

УДК 94(44).028/029

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ ВО ФРАНЦИИ ПЕРИОДА РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЙН XVI ВЕКА

И. Я. Эльфонд

Эльфонд Ирина Яковлевна, доктор исторических наук, профессор кафедры дизайна архитектурной среды, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., iyelfond@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы становления национальной идентичности французов в XVI веке. Автор анализирует понимание ее в ходе гражданских и религиозных войн, а также методы обработки массового сознания в пропаганде эпохи.

Ключевые слова: идентичность, нация, пропаганда, «чужой», массовое сознание.

National Identity and Public Consciousness in France during the Religious Wars of the XVI Century

I. Ya. Elfond

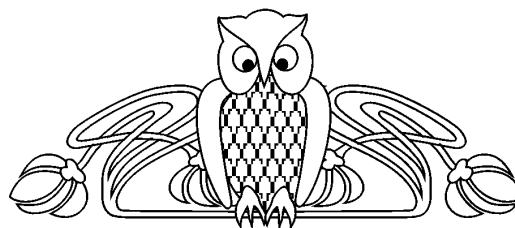
Irina Ya. Elfond, ORCID 0000-0002-8665-5926, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Politehnicheskaja Str., Saratov, 410054, Russia, iyelfond@mail.ru

The paper deals with the problem of French national identity formation in the 16th century. The author analyzes its specificity during civil and religious wars as well as ways of impact on mass consciousness in contemporary propaganda.

Key words: identity, nation, public relations, «alien», public consciousness.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-471-479

Развитие общественной мысли Ренессанса во многом определялось интересом к поиску своих национальных корней и было обусловлено стремлением к национальной самоидентификации и становлением национального самосознания каждого отдельного народа. Особенностью французского варианта этой общей тенденции оказалось то, что этот процесс приобретает различное наполнение в зависимости от того, в какой политической и религиозной среде он формировался. Огромную роль в этом сыграло обращение идеологов к проблеме национальной идентичности, что неизбежно повлекло за собой и конструирование образа врага Франции и французов и, что вполне естественно, пересмотр уже сложившихся в массовом сознании стереотипов в отношении французов к различным этносам Европы. Проблема национальной идентичности, тем более национальной самоидентификации, становится одной из ведущих идеологических проблем в эпоху становления национальных государств, и решение ее достаточно сложно и неоднозначно.

Формирование национальных государств обусловило во всех странах Европы начало процесса национальной самоидентификации, и само понятие национальной идентичности в этот период (да и в дальнейшем) приобретало ряд общих черт. Во-первых, представления об идентичности проявляются и осмысляются, как правило, в периоды перелома или конфликта в обществе. В этой связи вырабатываются стереотипы в массовом сознании под влиянием определенной идейной обработки его. Как правило, эти стереотипы наиболее четко выражены в культурно-исторических и политических мифах и ритуалах. Наконец, важнейшим элементом национальной идентичности является коллективный образ национального прошлого¹, и особое значение при этом приобретает проблема этногенеза. И если эти тенденции получили рассмотрение на примере Италии², то для Франции проблема становления национальной идентичности в отечественной науке мало изучалась³.

Интерес к своему национальному во Франции был сформулирован очень отчетливо и нередко сопровождался негативным отношением ко всему чужому, в том числе и по отношению к наследию античного Рима. При этом в ренессансной французской историографии, как правило, утверждалась концепция слияния разных этносов в единый французский народ, хотя иные из протестантских историков жестко настаивали на германском происхождении французов и нередко объявляли германцами даже галлов.

Становление национальных государств, формирование национальной идеологии, процесс самоидентификации способствовали смене идеологических стереотипов; образ «чужого» в XVI в. обычно совпадает с образом врага. Сам процесс формирования национальной идентичности неизбежно сопровождался выработкой модели врага. На это оказали влияние войны XVI в., воспитывавшие французов во вражде к иностранцам, и религиозный раскол в Европе, который в представлении большинства ассоциировался и с противостоянием народов. Типичная для XVI в. характеристика образа «чужого» – понимание его в прямом смысле слова как иностранца, идентификация всего негативного и скверного с иноземцами.

Политическая идеология Франции этой эпохи в целом построена на строго охранительных позициях, на неприятии всего инородного. Даже особые качества королевской династии основывались на том, что король «принадлежит к чисто

французскому роду»⁴. Поэтому формирование ее оказалось неразрывно связано с оформлением представлений, связанных с национальной самоидентификацией французов, с их взглядами на *origo* и прошлое народа, богоизбранность нации, идеализацией своих институтов, монархии и самой династии, которую нередко объявляли богоизбранной. Интерес к национальному началу определил и изучение древнейших традиций и родного языка, обращение к *origo*, происхождению французской нации, и лозунги верности древнейшим обычаям времен Хлодвига.

Формирование политической идеологии во Франции позднего Средневековья, таким образом, исторически во многом оказалось связанным с проблемами этнической самоидентификации, этногенеза французской нации и происхождения национальной династии. Не менее важными были утверждение и сознательная интериоризация в массовое сознание и культуру этой идеологии, основанной на прославлении или опровержении абсолютной монаршей власти и ее древности, а также обращение к специфике политического устройства страны, исторически сложившейся структуры всех социальных и государственных учреждений, подчеркивающих исключительность государства французского и особенности развития французского народа. При этом огромную роль в условиях политической и конфессиональной конфронтации играл культурно-исторический (нередко становившийся и политическим) миф.

История французского абсолютизма на каких-то этапах его развития определяла потребности и характер политической пропаганды, ее приемы и методы; все это способствовало смене вех и возникновению новых культурно-исторических мифов. В силу этого особое значение как в исторической мысли, так и политической пропаганде эпохи приобретает проблема *origo*, связанная с вторжениями в Галлию и формированием французской нации из многих племен и народов и роли в этих процессах различных этнических элементов. Выбор был невелик: теоретики колебались между римским, кельтским (галльским) и германским началом; еще в первой половине XVI в. активно использовался «троянский миф», который позволял относить генезис французского народа к древнейшим временам, и подчеркнуть более древнее по сравнению с другими европейскими народами происхождение собственных правителей, в частности династии Меровингов. Рецепция этого мифа на рубеже XV–XVI вв. оказалась связана как с развитием историографии, так и формированием политической идеологии абсолютной монархии. Почти одновременно окончательно сложилась концепция власти – французские короли избраны богом; в начале XVI в. возникает стремление доказать, что французское государство и династия суть самые древние в Европе. Немалую роль здесь играет момент, определивший особое внимание к германцам в выявлении генетических корней

французов: стремление опровергнуть историческое существование особого значения титула императора, его превосходства над королевским.

Однако даже в начале XVI в. не все поддерживали «троянский миф», и с конца XV в. историки все чаще обращаются к проблемам германистики⁵. К середине века споры велись уже о галлах и германцах. Пожалуй, первым выступил против этого культурно-исторического мифа и поддержал прогерманскую точку зрения историк Жан дю Тийе. Юрист, советник Парижского парламента, в дальнейшем секретарь Генриха II, дю Тийе, как и многие его собратья, от права переходит к истории и интересуется, прежде всего, национальной историей, по преимуществу на ранних ее этапах. Его критика, вероятно, вызывалась тем, что он обратился к рукописным источникам и все свои положения строго подтверждал документами, что и наводит его на сомнения относительно правильности традиционной точки зрения по проблеме этногенеза французов.

Основное сочинение дю Тийе «Сборник о французских королях, их короне и королевском доме» вышло в свет в 1548 году. Автор очень осторожен, он опровергает тезис об извечном существовании единого государства у галлов и франков (считая, что завоевание римлян было облегчено раздробленностью)⁶ и говорит о существовании разных точек зрения относительно происхождения французского народа. Свой взгляд на проблему он декларирует в самом начале своего труда. По мнению дю Тийе, «те, кто пишут, что французы по своему происхождению подлинны германцы, должны почитаться больше тех, кто считает, что они происходят от троянцев»⁷. В другом, более раннем своем сочинении «Хроника франкских королей» (*De regibus Francorum Chronicon*) дю Тийе высказывается куда более определенно: по его мнению, «род франков из германской знати прибыл в Галлию и основал королевство»⁸. Постепенно создавалась и распространялась прогерманская версия «троянского мифа».

Согласно ей, после отказа платить дань римлянам троянцы, превратившиеся, таким образом, во франков, перебрались на территорию Германии во времена, когда во главе их стоял король Маркомир. Последний же оказался прародителем легендарных пращуров Меровингов, то есть тех монархов, которых упоминает Григорий Турский – Фарамонда, Хлодиона и Меровея. Объективно Ронсар в своей версии «троянского мифа» также настаивает на германском происхождении французов, идентифицируя при этом франков и троянцев. К середине века значительно возрастает количество сторонников кельтского происхождения французов, но это не уменьшало количество сторонников германских корней нации.

Большую роль в спорах о роли германского элемента в истории Франции и в особенности процесса этногенеза французов сыграл крупнейший из французских историков-эрудитов Э. Пакье. Уже

в первом издании его «Изысканий о Франции» (1561) он поднимает этот неожиданно ставший актуальным вопрос. Критика «троянского мифа» в его труде сочеталась с анализом проблемы роли германских племен и народов в становлении постантичной Европы.

Значение концепции Пакье важно еще в одном аспекте – он ставит и исследует вопрос не только о роли франков и других германских племен в истории Франции, но и в целом о роли германцев в истории Европы эпохи Великого переселения народов. Большая часть первой книги его «Изысканий о Франции» посвящена роли отдельных этносов, по преимуществу германцев в Великом переселении народов, падении Римской империи и формировании новых европейских государств. В его представлении Римская империя «стала игрушкой в руках варваров», а последние «постепенно отделяли от великой империи большую часть ее провинций»⁹. Согласно ему именно германские племена сыграли в этом процессе решающую роль.

В целом несколько глав первой книги сочинения Э. Пакье посвящены истории разных германских племен в Европе и расселению германских племен в Европе и на территории Галлии. Начало этого процесса он связывает с пришествием на территорию империи вандалов, квадов, лангобардов, бургундов, вестготов и остготов, франков, англо-саксов, маркоманнов, алеманнов. Больше всего в его представлении от германцев досталось Галлии, где были разрушены и разграблены Майнц, Шпейер, Амьен, Аррас, Реймс, Страсбург, Теруань. С учетом того, что для Пакье признаком цивилизации и прогресса служило как раз количество городов, очевидно, что для гуманиста варвары, германские племена были разрушителями цивилизации, варварами в полном смысле слова. Очень любопытно, что историк говорит о противоречиях и борьбе германских племен друг с другом, а также противопоставляет одних германцев другим, в частности франков – готам, различая их по степени цивилизованности. Могущество первых, по его мнению, объяснялось тем, что «франки не были грубыми (*agrestes*) племенами, как прочие варварские народы (*nations*), поскольку были более цивилизованы и утончены»¹⁰.

Естественно, что историка-эрудита интересуют по преимуществу те германские племена, которые оставили след на территории будущей Франции, он прямо указывает, что французам важно «знать о франках, готах, бургундах и прочих народах, которые обосновались в нашей стране»¹¹. Больше внимание, естественно, уделено франкам, отдельные главы посвящены также бургундам и вестготам. Он характеризует все народы, которые исторически проживали на территории Галлии, по его мнению, «наиболее древними следует считать галлов, а вслед за ними германцев»¹².

К середине века французская историография и общественная мысль отмечают миф о троянском происхождении франков (и французов) и

окончательно переходят к германистской или прогалльской точке зрения. Стремление доказать еще большую древность происхождения французского народа приводило исследователей к изучению истории галлов как автохтонного населения территории будущей Франции, народа особо избранного и его роли в становлении французской нации. В результате формируется концепция синтезного происхождения французов, наличия у народа особых духовных ценностей, которые нашли материальное воплощение в политических институтах и традициях Франции, в том числе и характере монархической власти. Большую роль в этом сыграл знаменитый идеолог гугенотской партии Ф. Отман. Его апологетика порядков древних германцев не только принесла ему впоследствии славу «отца германистики», но стала, по сути дела, основой для попыток вернуть «старые добрые времена».

Отличие от Пакье он фактически не говорит о разных германских племенах. Все его внимание сконцентрировано на франках, именно с ними Отман связывает все политические традиции и институции французского государства, как и становление французского народа. Кроме того, он полагает, что франки – обобщающее имя для германцев, во всяком случае неоднократно упоминает об этом. В основе его концепции национальной идентичности лежит понятие свободы. В изображении Отмана страсть к свободе сближает галлов с франками, и благодаря призыву одних в Галлии появились другие: «поскольку у них не хватало своих воинов, чтобы низвергнуть римскую тиранию, то они использовали древнейший опыт – брать на службу германских наемников, призывая их к себе на помощь»¹³. Характеристика франков как поборников свободы почти совпадает с образом галлов. Франки изображены как народ, превосходящий все прочие по своей страсти к свободе, в том числе и остальных германцев: «те, кто оказался величайшими вождями и поборниками вновь обретенной свободы, называли себя франками, что у германцев означает “свободные”, “не испытывавшие рабства”»¹⁴. Тем самым ранняя история франков конструируется как культурно-исторический миф, ставший основой для решения проблемы *origo* и не только ее.

Франки всегда готовы к борьбе с тиранией. Отсюда и весьма вольная интерпретация проблемы появления франков на территории Галлии: «Когда франки покинули свою собственную территорию с этими намерениями, они освободили Галлию, как и свою германскую родину от римской тирании, и, перейдя Альпы, освободили большую часть Италии»¹⁵. Отман просто фальсифицирует историю, во-первых, приписывая франкам действия всех германских племен, а во-вторых, давая им весьма специфическую мотивировку действия. Франки в изображении Отмана руководствовались в своих действиях страстью к, насколько можно понять, всеобщей свободе,

а потому «франков называли правильно, так как они свергли рабство, установленное тиранами, и сочли долгом сохранить свою почетную свободу, хотя и жили тогда под властью королей»¹⁶. Таким образом, Отман культивирует страсть к свободе как основную черту французов – наследников франков, как определяющий признак национальной идентичности.

Это нашло выражение в его концепции французской государственности и роли в ее становлении германцев в лице франков. Потому-то галлы ничего не имели против сосуществования на одной территории с германскими племенами: «Ничего нет удивительного в том, что когда полчища германцев начали вторгаться в Галлию, то галлы были далеки от того, чтобы сдерживать это нашествие, но активно поддержали его»¹⁷.

Хотя исторические франки поселились на территории Галлии как федераты с санкциями имперских властей и охраняли империю от вторжений, Отман доказывает, что племя прибыло, во-первых, по нижайшей просьбе коренного населения (галлов), а во-вторых, с целью уничтожения римского владычества и тирании; пафос автора призван соотнести далекое прошлое с современной политической ситуацией в стране: «наши предки поистине являлись франками, а, значит, подлинными стражами свободы; они не подчинялись по своей воле власти какого-либо тирана или палача, который мог бы относиться к своим гражданам так, как если бы они являлись скотом. Напротив, они ненавидели всякую тиранию и в особенности господство любого тирана по турецкому образцу»¹⁸.

Политический смысл новой мифологии сомнений не вызывал – предельно тенденциозная трактовка истории прошлого призвана была служить конкретным политическим задачам. Обращаясь же к прошлому Франции, Отман утверждает, что галлы и франки развивались в теснейшем контакте, обусловленном этнической близостью и одинаковым пониманием проблемы свободы и прав народа. Он настаивал на принадлежности франков к германским народам и на формировании франкской народности вследствие борьбы с римской империей.

Он подчеркивает синтезный характер этногенеза французов и огромную роль в этом процессе германского начала: «после основания королевства Франкогаллии образовалась единая народность из двух, так если этот народ был дважды рожденным, а в результате их взаимопроникновения возник единый язык, а также сплавились воедино установления, учреждения и обычаи»¹⁹. Национальная идентичность французов в его объяснении связана с культурно-историческим и институциональным синтезом, особое значение в этой концепции приобрела проблема синтеза галльского и германского начал и автор последовательно проводит идею слияния кельтов и германцев в единый современный народ.

Все эти моменты не только присутствуют в политической идеологии на протяжении всего века, но находят свое адекватное отражение в исторических сочинениях и даже в художественной культуре. В целом сам процесс развития истории во Франции в XVI в. можно квалифицировать как стремление отказаться от попыток придать сложившимся мифам историческое значение и перейти к мифологизации (если не фальсификации) истории, чем и объясняется резко возросший интерес к национальной истории и, в частности, к ее начальному периоду зарождения и утверждения монархии и династии, а также к институциональной истории французов. Результатом же становится рождение национального мифа именно благодаря культуре Возрождения.

Следует отметить, что формирование новых идей, сопряженных с концепцией национальной идентичности, как и сам процесс национальной самоидентификации были связаны с деятельностью крупнейших политических теоретиков и историков эпохи. Помимо идеи особого происхождения нации (что нередко квалифицировалось как богоизбранность), теоретики того времени как особый специфический признак национальной идентичности рассматривали древность государства, символ его – монарха, при этом подчеркивая исключительную древность династии. Они также настаивали на особой роли исторически сложившихся политических институтов как показателя национальной исключительности, что и дает основу для осознания особого предназначения своей нации. Все эти моменты, в свою очередь, служили предметом национальной гордости и самосознания. Уже Пакье и Отман пропагандируют патриотизм как основу национальной идентификации, и идентичность включает в себя национальное самосознание, военное превосходство (все-таки победители Римской империи), наличие большого количества культурных героев и национальных святых, особую древность политических традиций и институтов.

Но сам процесс становления национальной идентичности имел еще и вторую сторону: интериоризацию новых представлений о Франции и французах в массовое сознание. Помимо проповедей (а их характер заслуживает специального рассмотрения), здесь огромную роль сыграл невиданный дотолее поток публицистических сочинений, приспособленных к представлениям среднего грамотного француза. В них и излагались новые представления о национальной идентичности на доступном для читателя уровне. В течение гражданских войн конструируется система политической пропаганды, тиражировавшая новые политические идеи и внедрявшая их в массовое сознание. В условиях предельного накала политической и религиозной борьбы новым фактором оказалась ставка теоретиков на массовость: появляется публицистика, рассчитанная на разный уровень читателя. Именно благодаря этому обстоя-

ятельству новые идеи популяризировались среди населения.

Изучение массового материала памфлетов всех партий *in corpori* позволяет выделить несколько особых приемов политической пропаганды, использовавшихся независимо от партийной и религиозной принадлежности и ставших общими в публицистике того времени. Совокупность их позволяла манипулировать массовым сознанием, тем более что подавался материал, как отмечалось, на предельно доступном для массы уровне. Гигантскую роль в этом процессе сыграло обращение к проблеме национальной идентичности, апелляция к французам как народу, к их патриотическому сознанию.

Патриотическая тематика в публицистике, как правило, была связана с обращением к современному состоянию страны. Образ страдающей Франции и «бедного французского народа» становится одним из центральных в политической публицистике с постоянным рефреном «бедные французы». Национальная идентичность трактуется своеобразно: нация стала жертвой агрессии, возникает особый политический штамп. На ранних этапах гражданских войн страдания Франции в основном подавались в ламентациях общего характера: «Сколько бедствий принесли те, кто решил против всех законов и божественных и человеческих причинить столько зла своей родине»²⁰. Позднее речь идет о прогрессирующем беспорядке в стране; раздаются «вопли и жалобы народа», сначала из лагеря гугенотов и политиков, а затем и католиков. В этом противники солидарны, хотя причины и пути выхода из ситуации ими определяются абсолютно по-разному.

В целом формирование образа страдающей Франции завершается к 70-м годам, сменяя образ великой героической Франции (выработанный ранее). По мнению пропагандистов, главное – это «угнетение, осуществляемое по отношению к этому бедному народу»²¹. Создается пропагандистское клише, которое используется для нагнетания атмосферы ожидания грядущей окончательной катастрофы: «Бедное королевство придет в самое жалостное состояние и обнищает, будет разрушено, разорится до крайности, больше чем когда бы то ни было»²². Публицисты предрекали неизбежный мрачный конец: «разорение бедной Франции и гибель благородного государства»²³. Они рисуют повседневную жизнь французам как совокупность страха и страдания: «ужасы и бедствия происходят ежедневно и порождают слезы и жалобы в бедной Франции», «разрушение бедного несчастного королевства» неизбежно²⁴. Смысл этих ламентаций сводится не только к тому, чтобы утратить население; они должны ему напомнить о высоком предназначении народа и его особых традициях и направить его гнев на виновников ситуации, поднять весь народ на борьбу, так как граждане должны противостоять «угнетению этого бедного народа и будущих потомков»²⁵. Создавался логи-

ческий мостик между трогательным описанием страданий народа и поиском виновников.

Описание страдающей Франции, идея чужеземной агрессии, апелляция к национальным чувствам народа и национальным духовным ценностям ориентировали социум на поиск виновников. Классический для демагогической пропаганды вопрос: «Кто виноват?» – получил разработанный ответ. Образ врага в процессе самоидентификации в этих условиях неизбежно выходил на передний план. Врагом, естественно, становился чужеземец. Факт нефранцузского происхождения должен был ориентировать французов на борьбу, независимо от того, кто были эти люди и как служили Франции. Речь шла об этническом единстве нации, о национальной идентичности и французам вменялось в обязанность «действовать против всех иностранцев, которые готовят нам всеобщую гибель»²⁶.

Внутренняя ситуация в стране сначала определила обыгрывание тезиса о чужеземном происхождении врага и его изначальном сознательном стремлении вредить Франции и французам. Уже к концу 60-х годов пропаганда освоила тезис о ксенократии, направленной на гибель Франции и ее населения. С точки зрения публицистов, власть может идти против своего народа, выполняя чей-то приказ или установки лишь в одном случае: если правитель не является прирожденным государем и не является французом по крови. А потому он в лучшем случае безразличен к проблемам народа, законам и судьбам родины: отсюда все налоги, поборы и обложения, которые возлагаются на бедный народ по «злобе и наущению чужестранцев вопреки древним законам и порядкам этого королевства»²⁷. Следовательно, подобная власть нелегитимна.

Меньшее значение в выработке образа приобретает традиционная идея внешнего врага, доказавшего свою готовность к постоянной борьбе и интервенции. Нередко эти факторы могли переплетаться, причем подходы враждующих партий были одинаковы: с равным успехом католики могли напоминать о традиционном враге недавнего прошлого – Англии, а протестанты о совсем свежих событиях итальянских войн и главном противнике – Испании. Но главный враг – это враг внутренний, не француз по крови, верно служащий врагу внешнему, проблема национальной идентичности приобретает в этой связи особую значимость.

Образ врага выстраивался по нескольким основным параметрам. Главная линия была намечена протестантской публицистикой: основным врагом Франции являются итальянцы, обосновавшиеся во Франции. Антиитальянская тема становится самостоятельным приемом пропаганды. На этой позиции сказались не только влияние проблемы «чужого»: романский элемент во Франции отрицался на любом витке истории в связи с негативным отношением к современным

итальянцам и, прежде всего, к папству и королеве-матери Екатерине Медичи. Негативно оценивался даже процесс романизации древней Галлии (а иной раз отрицался вообще, о галло-римской народности речи не было, зато подчеркивалось противостояние автохтонного населения агрессорам-римлянам). Наиболее последовательные противники итальянцев распространяли свое отношение к ним и на древних римлян, говоря о «тирании Рима», о «злом духе римлян». Таким образом, проблемы развития национальной истории и этногенеза французов были тесно связаны с понятием «чужого» (что уже сыграло свою роль в национальной самоидентификации) и конструированием образа врага – в данном случае римлян, точнее итальянцев.

При системном противопоставлении образа «чужого» интересам страны и этноса сохранилась общая для французской общественной мысли того времени концепция синтетного происхождения французского народа. Отсюда и сам термин «франкогаллы» (обозначение этноса, сложившегося в результате синтеза двух народов) был направлен на самоидентификацию населения и противопоставлялся тем представителям народа, которые сражались с итальянцами. Проблемы этногенеза и истории нации в период жесточайшей политической и конфессиональной конфронтации служили задачам политической пропаганды, доказательству тезиса о том, что французы как народ стали объектом уничтожения со стороны «чужого». Потому-то образ врага, последовательно внедрявшийся в массовое сознание, – это, прежде всего, образ врага-чужеземца. Естественным следствием разработки этой проблемы становились попытки интериоризировать в массовое сознание идеи ксенократии и ксенофобии. Страх перед итальянцами сопровождался ненавистью к ним: «Итальянцы завоевали такую милость и такое доверие при дворе, благодаря своему искусству и изобретательности в деле вытягивания денег из простого народа»²⁸. Довод о грабеже автохтонного населения пришлым врагом был доходчив и способствовал объединению нации в борьбе с врагом.

Подлинные французы (с легкой руки Отмана «франкогаллы») становились объектами в лучшем случае обмана, в худшем – уничтожения. Образ врага, захватчика власти, грабителя приобретает inferнальные черты; «итало-галлы сосут кровь и мозг из несчастного франкогалльского народа»²⁹, подобно вампирам. Именно они для автора – враги Франции: «для французского королевства было гораздо больше пользы от гордых германцев, чем от итало-галлов»³⁰. Очень существенно само введенное понятие: врагами оказываются не выходцы из Италии, но итало-галлы, т. е. французы, покорившиеся итальянцам и служащие им. Самоидентификация, таким образом, включала еще и размежевание между группами этноса: теми, кто следовал представлениям о подлинных французах

и их исторической миссии как носителей принципа свободы, и тех, кто был безразличен к судьбам своего народа и его государственности. Понятие врага начинает применяться к уроженцам самой Франции, вина их состоит в том, что они предали интересы своей родины, по сути, перечень их «провинностей» сводится к коллаборационизму. В силу этого они, став врагами своего народа, перестали быть французами, утратили идентичность.

На идеи неприятия иностранцев базировалась и концепция недопустимости женского правления во избежание прихода к власти нефранцуза, что означает утрату национальной идентичности, ибо король – ее символ. А королевы-регентши, кричали публицисты, не могут проводить политику в интересах страны и народа, поскольку они – уроженки иных стран и в лучшем случае не могут ориентироваться в местных проблемах, в худшем – готовы предать Францию на заклятие. Особую ненависть вызывали лица испанского и итальянского происхождения, что вполне корреспондировалось с политическими пристрастиями и антипатиями протестантов.

Не меньшую антипатию теоретики протестантов (и «политиков») питали к Лотарингскому дому и Испании. Многочисленные памфлеты (от «Тигра» (1560) до «Анти-Гизара» (1986)) подчеркивали чужеземное происхождение Гизов, из-за которого те готовы погубить Францию: «все беды из-за Лотарингского дома, инициатора последних новшеств, направленных на то, чтобы раздуть новую гражданскую войну в этом королевстве, призвать в страну иноземцев и проделать все это на деньги испанского короля»³¹. Подобная пропаганда активизировалась, когда в полемику вступил декан Тулузского университета Пьер де Беллуа. Он требовал, чтобы «французов оставили в покое при своих законах, под властью и милостью наших королей»³², доводы основывались на концепции национальной идентичности. Символом ее становились монархи: Генрих Наваррский – «сын нашего рода, не англичанин, не испанец, но истинный француз»³³, а власть правящей династии посему «по своей природе священна, свята и неотчуждаема»³⁴.

Католики первоначально эту проблему не затрагивали, для них образ врага был связан с образом инаковерующего. Вскоре они пошли по тому же пути, идея национальной идентичности и для них становится едва ли не ведущей в полемике. Лигеры настаивали, что Наваррские короли – чужестранцы, хотя Наварра уже давно управлялась французами по крови, а потому пропагандировался тезис о том, что «титул и звание короля Наваррского является фатальным и приносит бедствия Франции»³⁵. Даже принцы крови, приняв титул королей Наваррских, сразу становятся врагами Франции: «Шарль д'Эвре, принц крови, стал королем Наварры в силу прав своей жены, и причинил столько бед Франции, что наши историки зовут его вторым Нероном».

Именно в отношении Генриха Наваррского ими применялась формула «чужой»: «бедняк – чужой по рождению и нравам»³⁶.

В итоге среди ближайших соседей Франции не осталось ни одного народа, который не получил бы от французских публицистов всех партий свою порцию оскорблений. Так, оппонент Отмана П. Массон «именует немцев свиньями, а их родину – свиным хлебом». В адрес немцев звучит и другое обвинение, ставшее хрестоматийным: «немцы – пьяницы»³⁷. Лигеры не упускали случая обругать «английскую Иезавель» (в их представлении сторонницу врагов Франции) за лицемерие и смену религии. Для Пакье национальное сознание во Франции вообще вырабатывается в ходе борьбы с англичанами, «буйным народом», правители которых отличались «страшной грубостью и жестокостью». Главный внешний враг в итоге – «демон юга»; по мнению многих (включая умеренных католиков), «в этом королевстве командует не кто иной, как король Испании»³⁸. Католик А. Арно подчеркивает «варварское» происхождение испанцев, бросая тень на их «чистоту крови» из-за длительного сосуществования с арабскими завоевателями. В его трактовке «испанцы – раса готов и сарацин»³⁹.

Особенно апелляция к национальной идентичности усиливается в 90-е годы, когда на повестку дня прямо встал вопрос о возможности перехода короны к испанцам, а их войска уже находились на территории Франции. «Мениппова сатира» направлена против испанцев и «испанской панацеи» от всех бед. Авторы популяризируют известную мысль: испанцы – заклятые враги Франции. Сторонники Лиги готовы жизнь положить не за Францию, а «за Лотарингских принцев и, если понадобится, и за короля Испании». Характерно, что в памфлете даются не только политические рекомендации всем французам подчиниться власти законного государя, французам по крови, но и советы избавиться от недостатков, приобретенных французскими в результате общения с чужестранцами, от «испанского хвостовства, неаполитанской лже-доблести и склонности к мятежу валлонов»⁴⁰.

Образ «врага», как отмечалось, органически связан с идеей ксенократии, ненациональной и антинародной власти – дурное правление безоговорочно объяснялось происками итальянцев, немцев, лотарингцев и испанцев (или наваррцев, англичан и тех же немцев). Легитимность власти даже законного монарха вызвала сомнения, если он активно сотрудничал с чужестранцами: так, автор прокатолического памфлета с показательным названием «Добрый француз или война галлов» заявлял, что «добрых католиков мучает, что король Франции заключил странный союз с англичанами, Женовой, Седаном и другими еретиками»⁴¹. Генрих III «продал Францию немцам». Отсюда обвинение монарха в недостаточной преданности интересам Франции. Одни были недовольны королями Франции из-за преследований, другие – из-за

недостаточных, по их мнению, преследований инакомыслящих. В 1580-е гг. король провозглашался Лигой врагом французам: тот, «кого Бог сподобил родиться старшим в самом древнем, самом великом и самом процветающем доме в мире»⁴², был объявлен воплощением антихриста, «королем-еретиком», «бесчестным тираном, который дышит только ради разрушения и преследования своих подданных»⁴³, к тому же он был наполовину итальянцем, значит, не французом.

Ксенократия, как заклинали население Франции памфлетисты, обязана своим возникновением либо незаконному присвоению власти, либо ее прямому захвату и результатом ее должна была стать утрата национальной идентичности. Тезис о торжестве ксенократии во Франции служил для разжигания ненависти к чужакам, приводившей к ксенофобии.

Пожалуй, идеи ксенофобии и ксенократии оказались неразрывно связаны со становлением национального самосознания и национальной самоидентификацией народа. Неприятие «чужого», противопоставление его национальным традициям и порядкам, апология всего французского составляли важную часть доводов теоретиков различных лагерей.

Второй модификацией образа «врага» оказался иноверец. Вопрос о религиозном инакомыслии в политической пропаганде также оказался связан с проблемой национальной идентичности. М. Ярдени доказала, что для национальной самоидентификации в то время было характерно отождествление французам с католиками⁴⁴. Уже Франциск I считал католицизм «главной основой королевства, от коей зависит наше процветание и благополучие»⁴⁵. Для ярых католиков иноверец – это еретик, а они «во сто раз хуже, чем турки, сарацины и язычники». Значит, необходимо «полностью искорчевать врагов католической веры»⁴⁶, война с ними – священна, а признание их французскими – отказ от национальной идентичности.

Сама система пропаганды строилась на обыгрывании элементов национальной идентичности, воздействию на национальные чувства населения благодаря апелляции к страданиям народа и любви к родине, дискредитации врага, внедрении сомнений в легитимности власти. Важным моментом стала успешная разработка образа врага как виновника бедствий и взвинчивание масс против иностранцев и иноверцев. Еще более важной можно считать идею ксенократии, которая вела к появлению националистической истерии вплоть до призывов к погромам и физическому истреблению.

Эти приемы стали типичными в истории политической пропаганды, методика их пережила свое время, и судьба этой пропаганды (события Варфоломеевской ночи, Лиги и т. д.) показала, какие методы воздействия на массы оказались эффективными. Восприятие ее демонстрирует уровень масс, степень их интеллектуальной, по-

литической и психологической зрелости. Именно наиболее демагогические приемы – сознательное искажение или тенденциозный отбор фактов, обращение к национальной идентичности, и в особенности к патриотическим чувствам народа, вражда к «чужому», недоверие к власти – оказались долговечными. Таким образом, проблема национальной идентичности и национальной самоидентификации особое значение приобретает в эпоху гражданских войн второй половины XVI в., и понимание национальной идентичности внедрялось в массовое сознание благодаря многочисленной публицистике, воспринимавшейся французским обществом.

В итоге и оформляется национальная идея, которая секуляризуется, например, в трудах того же Э. Пакье, формируется «коллективное понятие христианнейшего королевства»⁴⁷, а апелляция к национальной идентичности во многом определила ментальный поворот нации к государю-французу и победу Генриха IV. Гражданские войны поставили перед французским обществом проблему выбора между национальным началом и конфессиональным единством, и в конечном итоге после жестоких войн торжествовала концепция национальной идентичности.

Примечания

- ¹ Проблемам национальной идентичности и самоидентификации в последние десятилетия было посвящено немало работ, из которых необходимо указать следующие : *Anderson B. Imagined Communities : Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. L., 1983 ; Hastings A. The Construction of Nationhood, Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge, 1997 ; Kristof L. The state idea, the national idea, and the image of Fatherland // Orbis. 1967. № 11 (spring). P. 238–254 ; Smith A. National identity. L., 1991 ; Wodac R., Cillia R. de, Reisigi M., Liebhart K. The discursive constructions of National Identity. Edinburgh, 1999 ; Geary P. The Myth of nations. The Medieval Origins of Europe. Princeton, 2002 ; Smith A. Theories of Nationalism. N. Y., 1983.*
- ² На русский язык была переведена работа П. Берка. См.: *Берк П. Язык и идентичность в Италии начала Нового времени // Новое литературное обозрение. 1999. № 36 (2). С. 5–25 ; см. также: Якушкина Т. В. Петраркистский канон в контексте проблемы национальной идентичности // Итальянский сборник. СПб., 2007. № 10. С. 76–104.*
- ³ За рубежом эти проблемы поднимались уже с 60-х гг. XX в. См.: *Lestocquoy J. Histoire du patriotisme en France des origines à nos jours. P., 1968 ; Beaune C. Naissance de la nation Française. P., 1985. Применительно к более позднему периоду см.: Bell D. The Cult of the Nation in France 1689–1800. Princeton, 2001.*
- ⁴ (Arnault A.) *Fleur de Lys. P., 1593. P. 7.*
- ⁵ *Ricius M. De regibus francorum. Basel, 1534 ; Gaguin R. De rebus gestis francorum. P., 1514.*
- ⁶ *Du Tillet J. Recueil des roys de France, leurs couronne et maison. P., 1548. P. 7.*
- ⁷ *Ibid. P. 1.*
- ⁸ Цит. по статье : *Jouanna A. La quête des origins dans l' historiographie française de la fin de XV siècle et de début du XVI siècle // La France de la fin du XV siècle. Renaissance et apogée. P., 1985. P. 307.*
- ⁹ *Pasquier E. Les Recherches de France. P., 1643. P. 5.*
- ¹⁰ *Ibid.*
- ¹¹ *Ibid. P. 6.*
- ¹² *Ibid. P. 10.*
- ¹³ *Hotman F. Francogallia. Cambridge, 1972. P. 200.*
- ¹⁴ *Ibid.*
- ¹⁵ *Ibid.*
- ¹⁶ *Ibid. P. 202.*
- ¹⁷ *Ibid. P. 180.*
- ¹⁸ *Ibid. P. 342.*
- ¹⁹ *Ibid. P. 284.*
- ²⁰ *Responce à un certain escrit publié par l'Amiral et ces adherens, pretendans couvrir et excuser le rapture qu'ils ont faite del' edict de pacification. P., 1568 P. Iij.*
- ²¹ *Protestation de par Monseigneur le prince de Conde avec advertissement fait sur cette protestation. S. L., 1568. P. Biiij-r.*
- ²² *Les moyens pour pacifier les troubles en cette Royaume par Monseigneur de Conde. S.L., 1562. P. C-i.*
- ²³ *Advertissement sur la faulseté des plusieurs mensonges semez par les rebelles. P., 1562. P. F-r.*
- ²⁴ *France-Turquie. Orlean, 1576. P. 4 ; Brief discours sur les moyens qui tient le cardinal de Lorraine pour empêcher l'establisement de la paix et ramener les troubles en France. S. L., 1568. P. Giiij-r.*
- ²⁵ *Protestation de par Monseigneur le prince de Conde avec advertissement fait sur cette protestation. S. L., 1568.*
- ²⁶ *Exhortation a la paix. S. L., 1563. P. Biiij-r.*
- ²⁷ *Declaration et protestation du Monseigneur de Damville, Marechal de France. Strasbourg, 1575. P. B2.*
- ²⁸ *Responce à une lettre escrete à Compiègne de 4 jour d' aoust touchant les mescontennants de la noblesse de France. S. L., 1567. P. B3-r.*
- ²⁹ *Hotman F. Matagonis de matagonibus decretorum baccalauvrey monitoriale adversus Italogalliam sive antifrancogalliam Anthonii Matharelli alvernogeni. S. L., 1574. P. 22.*
- ³⁰ *Ibid.*
- ³¹ *Declaration et protestation de Monseigneur Henry de Montmorency. S. L., 1586. P. 10.*
- ³² *Belloy P. de. L'Examen du Discours public contre la maison royale de France et particulièrement contre la branche de Bour bon seule reste d' icelle sur la Loy Salique et succession du Royaume. S. L., 1587. P. 12.*
- ³³ *Belloy P. de. Apologie contre libelles declarations ; advis et consultations ; escrete et publiées par les liguez pertubatueurs du repos du Royaume de France. S. L., 1585. P. 42.*
- ³⁴ *Anti-Guisart. P., 1986. P. 83.*
- ³⁵ *Responce à l' Anti-Espagnol, seme ces jours passes par les rues et carrfours de la ville de Lyon de la part des conjures qui avoyent conspire de livrer la dicte ville en le puissance des heretiques. Lyon, 1590. P. 60.*

- ³⁶ Le remerciement des catholiques unis fait à la declaration et protestation de Henri de Bourbon, dit le Roy de Navarre. Lyon, 1589. P. 6, 62. (При этом как-то забыли, что Жанна Французская – дочь французского короля Людовика X.)
Dorlean L. Responce des vrayz catholiques françois. S. L., 1588. P. 27.
- ³⁷ *Hotman F.* Strigilis Papirii Massoni, sive Remediale charitativum contra radiosam frenesim Papirii Massoni Iesuitae escucullati. S.L., 1578. P. 32, 30.
- ³⁸ Responce á une lettre escrete á Compiegne du 4 jour d'Aoust touchant les mescontennants de la noblesse de France. S. L., 1567. P. Biiij-r .
- ³⁹ [Arnaud A.] Fleur de Lys. S. L., s/a. P. 39.
- ⁴⁰ La Satyre Ménippée de la Vertu du Catholicon d'Espagne et de la tenue des Estats de Paris. P., 1889. P. 26, 260.
- ⁴¹ Le bon francois ou la guerre des gaulois. S. L., 1589. P. 7.
- ⁴² [Arnaud A.] Fleur de Lys. S. L. P., s.a. P. 8
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ *Yardeni M.* Le conscience national en France pendant les guerres de religion. P., 1977.
- ⁴⁵ Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution. P., s.a. V. 12. P. 2.
- ⁴⁶ *Dorlean L.* Advertissement des catholiques anglois aux françois catholiques. S. L., 1586. P. 16r. Graces et louanges deves à Dieu pour la justice faicte du cruel tyran et ennemi capital de la France. P., 1589. P. 16.
- ⁴⁷ *Ле Руа Ла Дюри Э.* Королевская Франция. М., 2004. С. 355.

Образец для цитирования:

Эльфонд И. Я. Национальная идентичность и массовое сознание во Франции периода религиозных войн XVI века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 471–479. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-471-479.

Cite this article as:

Elfond I. Ya. National Identity and Public Consciousness in France during the Religious Wars of the XVI Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 471–479 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-471-479.